

МАРИАМ

ТАЛАНТ
СОЕДИНЁННЫЙ С МУЖЕСТВОМ

Рустам Ибрагимович Ибрагимбеков

Мариам. Талант

соединенный с мужеством

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33584609

Мариам: Талант соединенный с мужеством.: Белый город; Москва;

2017

ISBN 978-5-906727-12-1

Аннотация

Непростая, но яркая судьба выпала на долю Мариам Ибрагимовой. Профессию врача она пронесла по жизни, как святыню. И столь же свято было её другое призвание – литературная деятельность. Мариам – автор 15-томного собрания сочинений – романов, повестей, рассказов, стихов, поэм. Все произведения наполнены искренностью, мужеством, преданностью и прямоотой. В них органически слиты история и духовные традиции Кавказа и России.

Содержание

Талант, соединённый с мужеством	9
Мариам. Родословная памяти	43
Врач Мариам	108
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Рустам Ибрагимов Мариам: Талант соединенный с мужеством

*Много тайн и своих, и чужих
Мы уносим с собой, умирая...*

Мариам Ибрагимова

*Верь, и во мне боролись зло с добром,
Я разнимала их стальным пером,
И людям больше теплоты дарила,
Стремясь к сердцам сквозь молнии и гром.*

Мариам Ибрагимова

Жизнь и творческий путь Мариам Ибрагимовой, рассказанный её современниками

Благотворительный фонд имени Мариам Ибрагимовой

Авторский проект Рустама ИБРАГИМОВА

В ней текла мужественная кровь горцев и
благородная кровь русских дворян.

Расул Гамзатов

Талант, соединённый с мужеством

Было это в 1988-м. Я только что был принят на работу в ЦК КПСС. Однажды мне позвонила женщина из Кисловодска, назвала себя и попросила назначить ей время для встречи. Я назначил, и мне посчастливилось встретиться с Марьям Ибрагимовой – мужественной, хрупкой, интеллигентной женщиной, врачом, общественным деятелем, историком, писателем. Она вновь открыла мне мир имама Шамиля, мир дагестанского духа и нашей российской судьбы, которая так нелегко складывалась.

Марьям Ибрагимова написала интересную книгу об имаме Шамиле. Мне было очень интересно выслушать ее рассказ. Я окунулся в знакомый мне с детства, но во многом неизвестный мир Кавказской войны, жизнь имама Шамиля, его семьи. И это все было описано очень интересно.

Конечно, я как мог поддержал тогда ее и горжусь, что смог помочь Марьям вернуть из забвения имя легендарного Шамиля. Каждая страница книги Марьям Ибрагимовой дышала историей, нашей культурой и дагестанским характером. И ни одного упрека, неприятия в адрес тех, кто по воле судьбы воевал тогда в горах Дагестана и Чечни.

Более того, она натолкнула и меня на написание книги об имаме Шамиле. Я написал и издал ее под названием «Знамения судьбы», рассматривая образ имама Шамиля с учетом таких духовно-нравственных категорий, как Родина, истина, любовь, дружба.

И каждый раз с удовольствием перечитываю высокохудож-

жественную, исследовательскую и поэтическую книгу Марьям Ибрагимовой «Имам Шамиль».

За последние годы об имаме Шамиле издано много книг, но ни одна из них по своему художественному уровню создания образа имама Шамиля и описания взаимоотношений людей, задействованных в трагедии Кавказской войны, не конкурирует с произведением Марьям Ибрагимовой. Она самая талантливая и самая мужественная.

Из беседы с Марьям Ибрагимовой я понял, что писательница фактически всю свою жизнь посвятила изучению Кавказской войны, идей имама Шамиля. В результате ей удалось приблизиться к истине, к красоте, несмотря на сложность исторических процессов и суровых нравов того времени.

И самое главное – в книге налицо величайшее уважение к России, к русской культуре, ко многим русским людям, которые участвовали в этих событиях.

Книга «Мариам» – величественный памятник имаму Шамилю, созданный еще в советское время талантливой писательницей, патриоткой Дагестана и России. Это памятник мужеству и достоинству дагестанского народа, нашим мудрым предкам, которые воевали не против России и русских, а выступали за достойное, братское вхождение в состав России. Как это и случилось.

При поддержке Президента России В.В. Путина мы создали мемориал общей памяти и общей судьбы Ахульго, воздавая дань уважения нашим предкам.

Я с благодарностью вспоминаю свои встречи с Марьям Ибрагимовой. Полностью поддерживаю и высоко ценю усилия, которые предпринимает ее сын Рустам по увековечиванию творческого наследия писательницы и нашей памяти о ней. Марьям Ибрагимова – это человек, художник, гражданин; знакомство с ее творчеством позволяет лучше познать с гордостью прошлое, настоящее и будущее нашей многонациональной Родины.

С вечным восхищением -

Рамазан Абдулатипов, председатель Ассамблеи народов России, ректор Московского государственного университета культуры и искусств

О её душе – чистой, как первый снег...

Владимир Дегоев, профессор МГИМО, директор Центра кавказских исследований

Неисповедимая всё же это вещь – судьба. Играет людьми и обстоятельствами столь затейливо, что невольно наводит на мистические мысли.

Порой она придумывает такое, до чего не может возвыситься или опуститься человеческое воображение. Не случайно ведь самые невероятные сюжеты художники берут из жизни.

Говорят, игра судьбы слепа и в своей щедрости, и в своей

жестокости. К одним она бывает избыточно милосердна, к другим слишком безжалостна.

Впрочем, у судьбы свои понятия о справедливости.

К Мариам Ибрагимовой судьба благоволила с рождения. Но это был совсем не тот тип благоволения, который встречается в народных сказках с их «золотыми рыбками», «щучьими велениями», «скатертями-самобранками», «пещерами Аладдина» и т. д.

Это была Божья милость, рано или поздно снисходящая на тех, кто достоин её.

Счастье, отпущенное Мариам, – феномен высочайшей пробы, удел избранных.

Оно воплотилось отнюдь не в том благостно-примитивном жизненном сценарии, который обычно ассоциируется с богатством, славой, везением, с написанной на роду успешностью, одним словом – с дорогой, устланной цветами и проходящей в стороне от неудач, поражений, горестей и трагедий.

Счастье Мариам выразилось в самом высоком значении этого слова, в самом высоком назначении этого человека.

Её счастье в том, что она поняла, зачем явилась на этот свет и выполнила свою земную миссию, отдав себя служению добру

Её счастье – в тех испытаниях и печалях, которые открыли в ней огромную силу сострадательной души и огромный творческий талант.

Давно примечено, что соединение разноплеменных генов часто даёт прекрасные всходы. Возможно, поэтому в Мариам – дочери лакца Ибрагима и русской женщины Прасковьи – было заложено слишком много для одного человека.

Понимание этого придёт к ней потом, с годами.

А тогда, в 1920-е, в далёком горном ауле рано лишившаяся отца маленькая девочка думала только о том, как помочь своей маме с тремя детьми на руках не умереть с голоду.

Всё, однако, обошлось. У провидения были другие планы в отношении своей избранницы и в отношении тех, кому в будущем посчастливится согреться от тепла её души, зарядиться её энергией и нестигаемой верой в возможность одолеть зло.

Мариам с малолетства видела рядом с собой горе, боль, страдания. Пропуская их через себя, она так и не научилась отстранённому созерцанию – защитному инстинкту человеческой психики.

Это не было чужим. Это у нее болело.

С таким мироощущением Мариам была обречена выбрать профессию врача, которая стала для неё культом, религией, исчерпывающим символом высокого служения.

Врачевание для Мариам было не только ремеслом и даже не «только искусством». Она нашла в этом целую философию, призванную избавить мир от физических и нравственных недугов, сделать его бесконечным в стремлении к совершенству, гармонии, бессмертию человеческой души.

Этот непомерный груз Мариам несла от своего первого вздоха до последнего, став для многих людей тем спасительным звеном в цепочке жизни, что именуется «законом вечности». Для познания этого закона Бог наделил Мариам ещё и художническим, поэтическим видением мира.

Её стихи и поэмы – целая вселенная чувств, страстей, мыслей.

В эпицентре этой стихии – Человек на фоне своего времени, своей среды обитания, своей жизненной драмы. Человек, в котором борются свет и тьма, любовь и ненависть, благородство и низость.

Поэзия Мариам – водоворот эпох и сюжетов, бесконечная галерея колоритных героев, смешение стихотворческих стилей и приёмов, контрастные смены настроений – от запретного накала эмоций до тихой грусти о том, что хранит в своей памяти «устало дремлющая» степная дорога.

У Мариам был пронзительно развит вкус к изучению жизни во всех её жанрах – историко-эпических, социально-злободневных, микробытовых.

Предметом особо пытливого интереса для её мыслей и души являлась история. Эта загадочная и капризная материя влекла Мариам, прежде всего, как громадная сцена, где идёт нескончаемая человеческая драма. Мариам исследовала её художественными средствами, которыми искусно владела благодаря своему писательскому дару.

В каком-то смысле самое удивительное в Мариам – её спо-

способность смотреть на мир по-своему ещё и, так сказать, с оптической точки зрения. Тому подтверждение – созданные её рукой живописные полотна. В эту область Мариам весьма неожиданно потянулась уже на склоне лет. Впрочем, что значит «неожиданно» – художник он и есть художник всегда и во всём.

Равновесие – в природе вещей. Сполна одарив Мариам талантами, судьба, для баланса, позволила себе несправедливость, по крайней мере, в одном: при жизни Мариам люди мало что знали о её выдающемся творческом наследии.

Теперь усилиями близких, друзей, коллег и почитателей Мариам эта несправедливость исправлена.

Пятнадцатитомное собрание её сочинений становится актуальным духовным достоянием тех, ради кого Мариам прошла свой великий, многотрудный и богоугодный путь.

Если кто-то назовёт это признание запоздалым, то я скажу, что и опоздание бывает своевременным.

Ибо только там, наверху известно, чему и когда произойти.

В том числе и с памятью о человеке.

Сегодня мысли и труды Мариам востребованы, как никогда. Пришла пора для всех честных людей в многоплеменной России сверить биение своих сердец с тем самым «законом вечности», органичной частью которого стал феномен Мариам.

Её светлое имя и её светлые дела принадлежат людям. Потому что именно к их сердцам «сквозь молнии и гром» устремляла она свою первоснежно чистую душу.

Собрание сочинений М. Ибрагимовой в 15 томах

«Мариам – сильная женщина и характером, и талантом своим, и любовью к людям.

В ней текла мужественная кровь горцев и благородная кровь русских дворян.

Очень талантливая поэтесса».

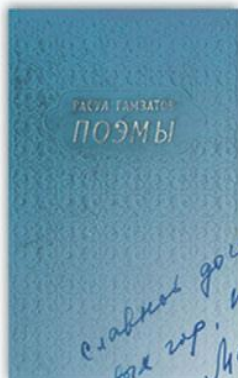
Расул Гамзатов, народный поэт Дагестана

Стихи и поэмы

Поэзия – своеобразный ключ Мариам к пристрастиям, взглядам и поступкам человека, волей судеб оказавшегося на водоразделе взаимоотношений русских и горцев, когда больно за каждую сторону. Не случайно она пишет:

*...Кавказ я люблю как Отчизну,
Россию – как русскую мать.*

главные герои моих
судьбы пр. прекрасную
гениальную Марьям Ибра-
химовна вы все
сердце (Абулганов)
15-1-1966
Киев

Имам Шамиль, роман-трилогия

Книга о легендарном имаме Дагестана и Чечни. Долгие годы Мариам посвятила изучению документов, касающихся героических и трагических страниц Кавказской войны, жизни-борьбы Имама Шамиля.

Роман показывает единение Кавказа и России – как историческую неизбежность; отношения между людьми, обречёнными убивать друг друга и страстно протестующими против этой обречённости; великие моменты просветления, когда обе стороны проникаются трагическим осознанием того, что творят.

«Её роман – лучший в нашей литературе.

То, что не смог сделать я для великого Шамиля, воздать ему должное в истории России, Кавказа, Дагестана, с блеском, исторически правдиво, с большой любовью, покоряя непреодолимые вершины и преграды, сделала наша Мариам.

Её роман «Имам Шамиль» по праву является лучшим художественным описанием Шамиля и Кавказской войны».

Расул Гамзатов

Когда впервые в стране возникла идея снять фильм о Кавказской войне, творческая группа обратилась к Гамзатову написать сценарий и быть консультантом.

Расул Гамзатович, не колеблясь, направил их в Кисловодск к Мариам Ибрагимовой, и сказал: «Лучшей исторической книги, как «Имам Шамиль» Мариам, вы не найдёте».

«Мариам Ибрагимова вернула Шамиля своему народу, не сделав его при этом врагом народа русского». *Николай Маркелов, хранитель Государственного музея-заповедника МЮ. Лермонтова*

«Мариам Ибрагимова – великий писатель. Никто не написал и, думаю, не напишет о Шамиле такого произведения, какое создала Мариам. Она была очень талантливым человеком».

Фазу Алиева, народный поэт Дагестана

«Мариам – удивительно мужественная женщина,

написавшая фантастическую книгу о Шамиле, которую ни один мужчина не смог написать».

Ширвани Чапаев, композитор, народный артист России

«Хочу изучать аварский язык...»

После прочтения романа Мариам «Имам Шамиль» Владимир Репецкий с Украины захотел изучить аварский язык.

Здравствуйте, уважаемая Мариам Ибрагимовна!

С огромным интересом прочитал Ваш роман «Имам Шамиль».

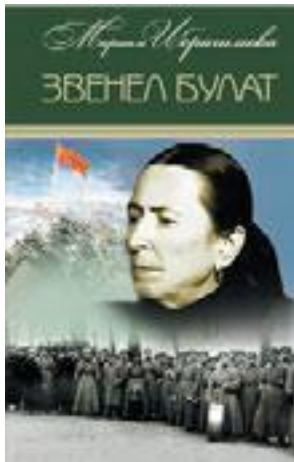
Я проникся чувством уважения и любви к гордым аварцам, чеченцам.

Мне хочется больше узнать о гордых сынах Кавказа. Прошу вас, если возможно, вышлите мне аварско-русский и чеченско-русский словари. Я оплачу их стоимость.

Если можете, вышлите также книги по грамматике. Буду вникать в характер языка, его душу.

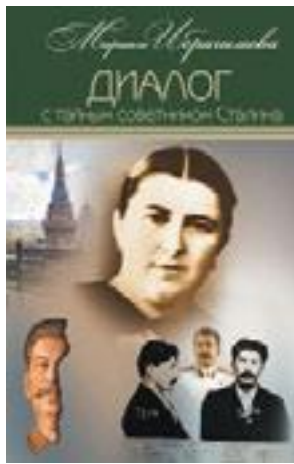
Владимир Репецкий Хмельницкая обл., г. Дунаевцы

Звенел булат, документально-историческая повесть

Революция и Гражданская война – исторический фон, на котором в романе разворачиваются события жизни горцев Дагестана в трудный период ломки старого строя и формирования нового.

Диалог с тайным советником Сталина, роман

В годы репрессий лучшие люди страны, отстаивая правду, честь, человеческое достоинство, гибли в застенках ГУ-ЛАГа. Мариам полемизирует с автором нашумевшей книги о Сталине В. Устиновым.

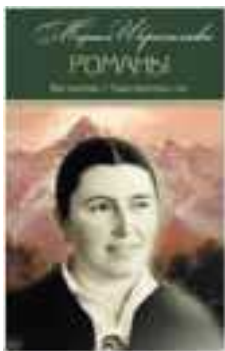
Полковник Яковлев, повесть о войне

Герой книги Николай Андреевич Яковлев прошёл славный путь офицера – от Кавказа до Берлина. Не раз поднимал в атаку своих бойцов, участвовал в крупнейших сражениях под руководством видных военачальников – Жукова, Рокоссовского. Полковник Н.А. Яковлев возглавлял Управление связи Северо-Западного фронта, затем Сталинградского. Надёжная связь Генерального штаба с действующими армиями была в то время вопросом жизни и смерти.

Мой дядя Пир-Будаг, сатирический роман

Действие романа разворачивается в ауле, затерянном высоко в горах. Пир-Будаг – баловень судьбы. Мариам ирони-

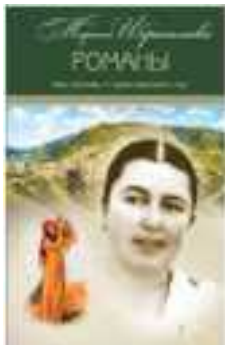
зирует над ним, описывая всю его жизнь, в которой он наломал немало дров. И сквозь юмор прорывается пронзительная мысль: жизнь одна, не тратьте её попусту, каждый миг неповторим.

Охотник Кереселидзе, повесть

Долго искал свою дорогу в жизни Антони, герой повести «Охотник Кереселидзе». Он познал всё: и верность друзей, и предательство близких. Смелый охотник, отличный знаток гор. На трудном жизненном пути Антони остался поборником добра, благородства, дружбы, любви к людям.

Мал золотник..., роман

На примере семьи горцев Мариам рассказывает о прошлом и настоящем Дагестана, борьбе нового со старым, показывает становление новой жизни в Стране гор.

Превратности судьбы

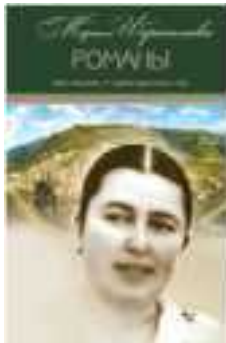
Повесть-драма о судьбе горца в годы репрессий в Дагестане. Гирей, обвинённый по доносу близкого друга, прошёл через тяжкие испытания, застенки ГУЛАГа. Но всегда и везде сохранял достоинство мужчины-горца и честь своего рода.

Учёный на старте

Повесть о Фридрихе Цандере, создателе первой советской ракеты.

Туман спустился с гор, роман

В центре романа – трудная судьба горянки. Несмотря на жизненную драму, она остаётся духовно чистой, продолжая верить в добро и искренность человеческих отношений.

Дань ненасытному времени, рассказы, очерки

Каждая встреча с новым человеком, размышления о судьбах, о пережитом времени высекали искры в душе Мариам и оживали в повестях, рассказах, статьях, очерках на страницах книг, журналов, газет.

Товарищ Серго

Повесть о Серго Орджоникидзе, о его судьбе, отношениях со Сталиным и трагической гибели.

Мы – дети планеты Земля, публицистика

У нас разные языки, убеждения, религии, обычаи, и при этом все мы – народы, этносы, расы – имеем равное право на существование.

По завету Гиппократ, медицина, исследования, открытия

«Даже свой уход из этого мира Мариам превратила в человеческий подвиг. Будучи смертельно больной, она нашла в себе мужество наблюдать над собой – уходящей, испытывать на себе препарат от рака».

Чингиз Гусейнов

Ещё раз о мюридизме Шамиля и освободительном движении горцев Восточного и Западного Кавказа XIX века

В годы клеветы и очернительства Шамиля, когда несогласие с властью вождей было равносильно смертному приговору, Мариам смело выступила против всесильного Багирова, публично защищая Шамиля, и лишь чудо и воля Всевышнего позволили ей уцелеть.

Что мне известно о сионизме

Исторический экскурс в прошлое иудаизма и современность.

Неумолим бег времени, публицистика

В своих острых полемических публикациях Мариам гнев-

но обличает бюрократов, стяжателей, кляузников, сутяг, высмеивает пьянство, мошенников, шарлатанов от медицины. Воздаёт должное ветеранам войны и труда. Рассуждает о морали и праве. Все статьи Мариам проникнуты любовью к Отечеству.

Разные бывают люди, повесть

Об испытаниях, выпавших на долю казаков в годы Великой Отечественной войны. Действие основано на реальных событиях одной станицы.

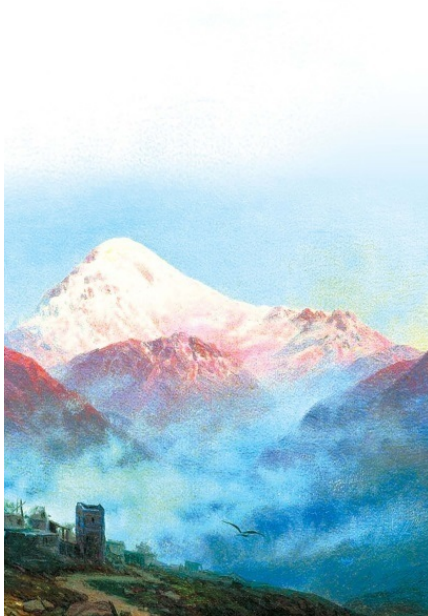

Тебе, мой сын, роман-завещание

Многоплановое произведение охватывает события десяти веков бурной жизни Кавказа. Мариам рассказывает о вели-

ком движении племён и народов Дагестана, Кавказа. На этом историческом фоне Мариам прослеживает судьбу своего рода, собственную судьбу, богатую событиями жизнь, советует, как сберечь честь смолоду.

Мариам. Родословная памяти

*Хвала нашим предкам, чья совесть была,
Как снежная шапка Казбека, бела.*

Мариам Ибрагимова

Отец – Ибрагим

Отец Ибрагим

Родился в 1891 году в Лакском округе Дагестана.

По преданиям родственников и сельчан, род Ибрагимовых восходит к основателям Гази-Куму-хасеидам, принёсшим ислам на Кавказ, и уходит корнями в глубь веков.

Потомки имама Шамиля по лакской линии, потомки шейха Джамалуддина Гази-Кумухского и Мариам имеют общих предков, распространивших в восьмом веке ислам на Кавказе.

Шейх Джамалуддин Гази-Кумухский

Рассказывает Мариам Ибрагимова

Мой отец Ибрагим – уроженец аула Хуты бывшего Лакского округа Дагестана. Аул раскинулся в котловине вокруг небольшого озера и источника ключевой воды. Через Хуты пролегла дорога, ведущая из Кумуха в Аварию. По рас-

сказам стариков, которых я в юности застала в живых, аул этот вырос из хуторка. По преданиям, первопоселенцем был грузин, скорее всего хевсурец (хуту), то ли пленный, то ли беженец-кровник, который поселился здесь по воле хана и занялся возделыванием земли.

Лакский учёный-философ Курди Закуев говорил мне, что прадед моего отца – Кинча – происходил из его рода, как и

члены другого отделившегося некогда рода

Таркнаевых. Кинчаевы, Читаевы и несколько других семейств переселились из Гази-Кумуха в Хуты позднее. Гази-Кумухские владыки поддерживали мирные отношения с вольными обществами Аварии – Чоха, Согратля.

В мирные времена с аварцами этих поселений лакцы водили куначество – женились на аварках, выдавали замуж своих дочерей, а в случае нашествия врагов объединялись для общей борьбы.

От Гази-Кумуха – древнего городища владельцев шам-

халов – селение Хуты было расположено, как и прочие подвластные аулы, на небольшом расстоянии. Но в отличие от других Хуты был укрыт высочайшим и крутым каменистым перевалом Уганих, расположенным в двуречье. По этому кратчайшему пути каждую пятницу, а то и в будни спешили чохинцы с плетёными перемётными корзинами, навьюченными на ишаков, ехали верховые на лошадях, шли пешие на базар. Помнила эта дорога и тех, кто в поисках заработка отправлялся на чужбину. Возделываемых земель в этом обойдённом Богом горном ауле почти не было, как не было ни лесов, ни цветущих долин. Неизвестно, в какие времена волею злых судеб были заброшены в эти бесплодные горы мои прадеды.

Разведение мелкого скота тоже не могло обеспечить жизнь хутынцев, не хватало пастбищ, а отгон к Чёрным землям был долог и труден. Убогая жизнь и вековая нужда заставили хутынцев, как, впрочем, и других жителей лакских аулов, обучаться ремеслу и заниматься отхожим промыслом. Потом своё мастерство и знание передавали из поколения в поколение. Так, односельчане моего отца славились мастерами-медниками и лудильщиками, балхарцы – гончарами, жители аула Шовкра – сапожниками и шорниками, куминцы – поварами-кондитерами. Жители Убра – строители-каменщики, они же тесали и надмогильные плиты (памятники), ваччинцы занимались торговлей, кулинцы – овцеводством. Цовкринцы-пехливаны от мала до велика – акробаты-канатоходцы.

С наступлением осени, после уборки урожая, главы семей с сыновьями-под-ростками покидали родные очаги. Уходили на зиму, избавив жён, стариков и малых детей от лишних ртов, с тем чтобы возвратиться весной с заработками и зерном для посевов. Но были среди отходников и такие, которые бесследно исчезали на многие годы, чтобы больше заработать на шумных базарах Стамбула, Аддис-Абебы, Тегерана, Киева, Одессы, Петербурга. Возвращались с деньгами и богатыми подарками для всей родни, не скупясь и на милостыни бедным односельчанам.

Помимо добра привозили и новые знания, всё лучшее из обычаев и нравов иноземных народов, и старались внедрить это лучшее в жизнь и быт своих близких. Среди всех даге-

станских племён и народов испокон веку лакцы отличались знаниями, учёностью, мастерством, трудолюбием, веротерпимостью и интернационализмом.

Гази-Кумух – древнее городище, его название произошло от слова «Гунмунк» – страна гуннов. После утверждения магометанства Гази-Кумух оставался надёжным убежищем не только теснимых разноплеменных народов Северного Кавказа, самого Дагестана, но и для закавказской Грузии и, в особенности, Армении.

Мариам на руках у матери

Родовой герб Пушиных

Мать – Прасковья

Родилась в октябре 1895 года в городе Ейске Кубанской губернии, дочь потомственной дворянки Елены Васильевны Пущиной. Елена Васильевна происходила из старинного

дворянского рода Пушиных, который один на Руси был внесён в 6-ю, 3-ю и 2-ю части Дворянских родословных книг двенадцати губерний России.

У Петра Ивановича Пущина, адмирала императрицы Екатерины Великой, были внуки – Иван и Михаил. Оба декабристы. Именно Михаил после поражения восстания в начале 1826 года был сослан на Кавказ.

Пётр Иванович Пушин

Пётр Иванович Пушин родился в 1745 году. Адмирал, командующий Балтийским флотом, сенатор. По окончании Морской академии произведён в гардемарины. Плавал на разных судах. Получив командование кораблём «Дмитрий Ростовский», произведён в капитаны 2-го ранга.

Исполнительность его была необыкновенна, в деятельности своей он доходил до самозабвения. Руководил строительством судов на Хопре, проявил незаурядные качества управления этим сложным делом. На него была возложена постройка других транспортных судов и фрегатов. Возглавляя Кронштадтский порт, П.И. Пущин вынес на своих плечах всю тяжесть подготовки к Шведской войне 1788–1790 годов. В том же году Пущин был произведён в адмиралы, награждён орденом Св. апостола Андрея Первозванного, император подарил ему каменный дом в Петербурге, пожаловал 1300 душ крестьян в Минской губернии – эта награда была высшей по числу душ, розданных в тот год Павлом I.

Иван Иванович Пущин

Внук адмирала Петра Пушина, родился 14 мая 1798 года. Декабрист, лицейский друг Александра Сергеевича Пушкина, был одним из руководителей Северного общества в Петербурге (Союз спасения), после подавления восстания декабристов был приговорён к смертной казни, которую заменили двадцатилетней каторгой.

Таким, как Пущин, в николаевской России не было места. Иван Иванович, отбыв наказание в Читинском остроге, вернулся в Петербург. Замечательно, что ни время, ни суровые испытания не изменили этого человека. И по прошествии почти тридцати лет каторги и ссылки он ни в чём себе не изменил. «Ему было 55 лет, но он сохранил и твёрдость своих молодых убеждений, и такую теплоту чувств, какая встречается редко среди пожилых людей, – вспоминал Е.И. Якушкин, сын декабриста. – Его демократические понятия вошли в его плоть и кровь: в какое бы положение его ни ставили обстоятельства, с какими бы людьми ни сталкивала судьба, он всегда был верен самому себе, всегда был одинаков со всеми. Люди самых противоположных с ним убеждений относились к нему с глубоким уважением».

Сверстники отмечали: Пущина всегда отличал оптимизм, свежесть ума и души. И это состояние, считали они, отрадное – вера в человечество, стремящееся, несмотря на все закоулки, к чему-нибудь высокому, хорошему, благородному. Без этой веры ему было темно жить.

Михаил Иванович Пущин

Не менее трагична и судьба брата – Михаила. Воспитанник 1-го кадетского корпуса, в 1816 году он был определён прапорщиком в 1-й сапёрный батальон. Позже в чине капитана командовал лейб-гвардии конно-пионерным эскадром.

Привлечённый по делу декабристов за недонесение о заговоре, был приговорён к лишению дворянства и отдаче в солдаты впредь до выслуги.

С начала 1827 года служил на Кавказе в 8-м пионерном батальоне и принимал деятельное участие в персидской и турецкой кампаниях (1827–1829 гг.) под непосредственным участием Паскевича. Михаил прославился своим воинским

дарованием, являясь фактическим руководителем инженерных работ в действующей армии, исполнял множество важных поручений. Он же, в той же солдатской шинели, присутствовал на военных советах у главнокомандующего – «где его мнение всегда одерживало верх». Ещё до окончания персидской кампании М.И. Пущин был произведён в прапорщики, в конце турецкой – в поручики.

С Пушкиным Михаил Иванович встретился на поле брани – в ставке Паскевича. «Не могу описать своего удивления и радости, – вспоминал позднее Пущин, – когда тут А.С. Пушкин бросился меня целовать». Генерал Н.И. Ушаков рассказывал: «Когда войска, совершив трудный переход, отдыхали в долине Инжасу, неприятель внезапно атаковал переднюю цепь нашу, находившуюся под начальством полковника Басова. В поэтическом порыве Пушкин тотчас выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпо-

стах. Пушкин, одушевлённый отвагою, столь свойственной новобранцу-воину, схватив пику одного из убитых казаков, устремился против неприятельских всадников. Донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидев перед собою незнакомого героя в круглой шляпе и бурке».

О радости встречи «со славным товарищем и храбрым солдатом» Пушкин написал в третьей главе «Путешествия в Арзрум».

По окончании турецкой кампании друзья выехали на Кавказские Минеральные Воды, где пробыли вместе около месяца. «Время здесь провожу очень приятно, – писал Михаил брату Ивану из Кисловодска в конце августа 1829 года. – Лицейский твой товарищ Пушкин, который с пикою в руках следил турок перед Арзрумом, по взятии оногo возвра-

тился оттуда и приехал ко мне на Воды. Мы вместе пьём по несколько стаканов кислой воды и по две ванны принимаем в день, – разумеется, часто тебя вспоминаем, – он любит тебя по-старому и надеется, что и ты сохранишь к нему то же чувство».

Лев Толстой отзывался о Михаиле Пущине восторженно: «Он самый откровенный, добрый, всегда одинаково весёлый и молодой сердцем человек...»

Из 289 арестованных декабристов особо виновными признаны 131 (пятеро казнены, 111 сосланы на каторгу, на поселение, на житьё в Сибирь, 15 разжалованы в солдаты). 124 человека переведены в другие полки или места службы, отданы под надзор полиции, 34 – умерли до или во время следствия.

Почти каждый из осуждённых – личность, известная в России своей громкой аристократической фамилией. Многие связаны меж собой родством, как, например, Пущины. «У них отняли всё: звание, имущество, Отечество, здоровье, свободу, но не могли отнять у них любовь народную», – писал с каторги самый непокорный из них – Михаил Лунин.

Жизнь и деятельность декабристов связана не только с Петербургом и Москвой, а отбывание наказания – с Сибирью. В биографии первенцев свободы органически вплетаются десятки других географических точек нашего Отечества. С Кубанью связаны имена более двух десятков декабристов, которым после сибирской каторги было разрешено участвовать

в Кавказской войне рядовыми. Среди них – бывшие офицеры, прославленные герои Отечественной войны 1812 года, люди высочайшей культуры и образованности, «таланты во всех рядах», по определению Александра Герцена.

Даже после долгих лет сибирской каторги и ссылки декабристы не получили разрешения вернуться домой – слишком напугано было царское правительство восстанием. Царь тогда заявил: «Этим господам – путь в Россию ведёт через Кавказ». Шла война, и каждый обрекался на верную гибель. Декабристы говорили: «Из ада – в ад».

В 1837 году, проделав двухмесячный путь через Тобольск, Казань, Ростов, группа декабристов прибыла на Кубань. Их определили на службу в крепость Прочный Окоп. Здесь находилась штаб-квартира Кубанского казачьего войска и размещалась артиллерийская бригада. Декабристов радушно встретили офицеры и, как могли, облегчали их тяжёлую участь. Ссылные числились в солдатском звании. Однако иные командиры тайно, с риском для своего служебного положения разрешали им в походах иметь лошадей.

Среди декабристов было двенадцать представителей рода Пушиных.

По дошедшим до нас источникам, прапрадедом Мариам Ибрагимовой был

Василий Пуцин

Бригадный генерал, член Южного общества, один из ор-

ганизаторов восстания Черниговского полка в январе 1826 года. Тогда по делу было арестовано 265 человек, всех судили провинциальными судами.

Василий Пущин был осуждён и сослан на Кавказ. После себя оставил многочисленное потомство, большая часть которого до революции проживала в Ейске.

Восстание Черниговского полка
Художник Татьяна Назаренко

Рассказывает Мариам Ибрагимова

В каждом поколении Пущиных встречались наречённые

именами Иван, Василий, Леонтий. Даже моя бабушка Елена сочла обязательным именно так назвать трёх своих сыновей, а дочерям дала имена – Прасковья, Елизавета, Александра.

Прабабушка была глубоко религиозной, смиренной и беспрдельно доброй старушкой, в то время как прадед Василий не благоволил церкви и не соблюдал никаких церковных обрядов. Видимо, из-за того, что декабристов отлучили от церкви и долгое время предавали анафеме.

У прадеда Василия было пятеро сыновей – Иван, Василий, Леонтий, Исай и, кажется, Егор – и две дочери: одну звали Еленой, имя другой я забыла. Жили в Ейске вместе с другими родственниками из Пущиных. Одна была замужем за местным миллионером Козловым. Сестра бабушки Елены была известной в Ейске мастерицей-белошвейкой, обшивала богачей, готовые швейные изделия относила моя мама, за что получала дорогие подарки.

У женской половины семьи Василия Пущина житейские дела складывались лучше мужской. Какие ни есть, а всё-таки дворянки, на которых женились богатые купцы и владельцы земель. Так, моя бабушка Елена Васильевна была выдана замуж за сына богатых хуторян Гаврей, имевших в Ейске свой особняк, в котором властвовала казачка Гавричиха. Её родители переселились на Кубань с Запорожской Сечи после того, как побывали где-то на Туретчине.

Мой дед Пётр, в отличие от своей суровой матери, был человеком смиренным, трудолюбивым и совсем не употреб-

лял хмельного. Перед тем как обвенчать сына с девицей Пущиной, беспокойная мать уговорила священника, чтобы он, совершая обряд венчания, не объявлял фамилию невесты. И святой отец ограничился, назвав подвенечную рабу Божью девицей Еленой Васильевной. В нашем роду рассказывали, что бабушка Елена Васильевна была женщиной гордой, с независимым характером.

Сыновья Василия Пущина высокого образования не получили, не возвысились и в чинах на армейской службе, поскольку были в ответе за мятежных, восставших против царя предков. А жениться не по любви, с расчётом, не позволяла дворянская гордость. Обречь на жалкое существование любимую не позволяла совесть. Не унижались они и перед породнённым миллионером Козловым.

От брака Елены Васильевны Пущиной и Петра Гаври родились сыновья – Василий, Иван, Леонтий, дочери – Прасковья (мать Мариам Ибрагимовой – *ред.*), Елизавета, Александра.

Выписка из метрической книги за 1895 год, 15 октября, г. Ейск, о рождении и крещении Прасковьи.

Родители: Пётр Степанович Гавря и законная жена его Елена Васильевна Пущина, оба православного вероисповедания. Таинство крещения совершили священник Александр Бровкович, псаломщик Георгий Ермаков

Перед началом Первой мировой войны мамыны родители переехали из Ейска в станицу Челбасскую. К тому времени братья окончили ремесленное училище и открыли мастерскую краснодеревщиков. Выстроив своими силами добротный дом, обставили его мебелью, изготовленной из редких сортов дерева и отделанной тонко выточенными на специальных станках деревянными украшениями. Стали уважаемыми людьми в станице. Сыновья-умельцы не только изготавливали отличную мебель на заказ, но и мастерили баяны и

гармони, на которых сами недурно играли.

Один из потомков рода Пушиных, старый Иван Иванович, до 1960 года проживал в кубанской станице Уманской. Этот прямой потомок рода и написал мне о наших родственниках. Один из Пушиных – Павел – жил после войны под Москвой, у пасынка Николая, отставного генерала. В центре России обосновался Егор Иванович Пушин, занимал большой пост. В Англию в период революции уехала одна из девиц Пушиных. В 1917 году дядя Ваня был в Моздоке у одного из Пушиных, который служил в Добровольческой армии Деникина и там осел, сменив фамилию.

В 1937 году Иван Иванович, будучи в заключении, встретил ещё двух потомков Пушиных – Дмитрия Павловича и Виктора Исаевича. Все они родились в Ейске, и по ним прошёлся каток сталинских репрессий.

На Кубани служил инженер-лейтенантом Дмитрий, имел пятерых сыновей. Один из которых служил в полку вместе с отцом, другой окончил Суворовское училище и избрал карьеру военного. Жил многодетный Дмитрий трудно и, только когда его перевели в Новочеркасск, построил дом, завёл подсобное хозяйство и выбился из нужды.

У брата Прасковьи – Василия – было трое сыновей: Павел, Вячеслав, Борис и дочь Ольга. Павел занимал высокую должность – заместитель председателя Краснодарского крайисполкома. Вячеслав в годы войны был удостоен звания Героя Советского Союза, под Сталинградом его тяжело ранило, он потерял ногу. Борис – полковник Советской армии.

Краснодар, 1949 г.

Стоят (слева направо) Павел, Вячеслав, Борис, их отец Василий (брат Прасковьи)

Вечерами станичная молодёжь собиралась у дома Гаврей попеть и поплясать под гармонь. Братья Василий и Леонтий считались лучшими гармонистами в станице Челбаской. Дагестанцы Ибрагим и Мудун тоже присоединялись к станичной молодёжи. Василий вскоре специально выучил мотив лезгинки, чтобы кубанские девочки и парни могли лю-

боваться исполнением задорного кавказского танца и самим выходить в круг. Среди зрителей можно было увидеть и самого атамана Чубаря со старыми казаками. Трезвые, рассудительные, услужливые, степенные горцы быстро заслужили уважение станичников.

А в сердце Прасковьи разгоралась настоящая любовь. Вначале она старалась избегать Ибрагима и вроде не обращала внимания на то, как и он тянулся к ней, но длилось это недолго. Вскоре всем стало ясно, что Ибрагим и Прасковья любят друг друга. Трудолюбивый кавказец Ибрагим открыл сначала мануфактурную лавчонку, потом «азиатский» магазин, который давал неплохую прибыль. В его магазине было всё для того, чтобы и казака с ног до головы одеть-обуть, и украсить доброго коня попоной, кабардинским седлом, отделанным серебром, крепкой уздечкой и лёгкими стремянами. Часть товаров – черкески, андийские бурки, конскую сбрую, сёдла – Ибрагим скупал по всему Кавказу вместе с кинжалами, шашками, пистолетами, а каракулевые и овчинные папахи, лёгкие ноговицы братья шили сами. Не только челбасцы, но и казаки других станиц приезжали к дагестанскому купцу за товаром и, переодевшись в кавказских наездников, гордо восседали в мягких, удобных кабардинских сёдлах. Уезжали довольными.

Богатству, нажитому трудом Ибрагима и Мудуна, народ не завидовал. Не только под расчёт, но и в долг отпускали честным уважаемым казакам свои товары братья-купцы. За то и были уважаемы. И ещё за то, что не кичились своим состоянием, не возносились над теми, кто ничего не имел, не чурались немощных, старых казаков и по-прежнему спешили вечерами туда, откуда доносились звуки гармошки и задушевные песни дивчин, среди которых бывала и гордая Прасковья.

Как боролся Ибрагим с воспламеняющейся с каждым днём любовью к иноверке! Он свято верил в Аллаха, пятикратно в день совершал молитву, но никогда не испытывал неприязни к христианам, будучи твёрдо убеждённым в том, что все племена и народы, обитающие на земле, так же, как и всё живое, созданы волею единого всемогущего Небесного

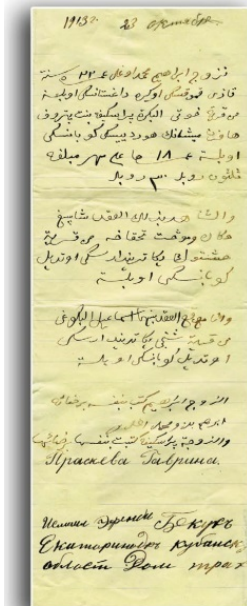
Владыки. Боролся он со своими чувствами потому, что там, в горах, в родном ауле Хуты, была у него наречённая, которую выбрал для него отец. Как пойти против воли отца?

Знал, вся родня будет недовольна, хотя открыто и не выразит свой протест. А он ведь кормилец не только своей семьи, но и других бедных родственников – одиноких вдов и сирот и не сможет отречься от них и навсегда остаться в чужой, пусть даже хорошей стороне.

Но без любимой мир тесен, несмотря на его просторы. Конечно же, он только на ней женится. А в угоду отцу и родне уговорит её принять ислам. А вдруг не выдадут её родители? Вдруг она сама не захочет отречься от христианской веры? Что делать?

Но не отказали сватам Ибрагима, почтенным казакам станции, с которыми явился сам атаман Чубарь.

Ибрагим и Прасковья заключили брак у муллы-татарина, и стала Прасковья зваться Патимат.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ

1913 г., 23 октября

Заключили брак Ибрагим Мухаммед, 22 лет от роду, из Дагестана из аула Хуты, на Праскеве, дочери Петра Гаврина из Кубанской области, 18 лет.

Уплачен калым в размере 30 рублей. Брачный договор выдан в станице Маштокской Екатеринодарского отдела Кубанской области

Свидетель – Исмаил Аль-Бумохи из селения Хаджа. Ека-

териодарский отдел Кубанской области.

Муж – Ибрагим подписал собственноручно.

Жена – Праскева подписала собственноручно.

(Перевод с арабского профессора Г.И. Бочкарёва, Институт Азии и Африки)

Шумную свадьбу сыграли, богатое приданое собственноручно изготовили братья-краснодеревщики. Счастливо стала жить молодая семья.

Год 1914-й... Началась война с Германией. Проводили братьев Василия, Ивана и Леонтия на фронт. Загоревал дед, затосковал по сыновьям, от которых не было писем, и умер от разрыва сердца. Осталась бабушка с двумя младшими дочерьми – Елизаветой и Александрой. Старался зять Ибрагим заменить Елене Васильевне сыновей, но кто может заменить матери сына? Извелась Елена вконец.

Все братья геройски воевали в Первую мировую войну. Были награждены и стали полными георгиевскими кавалерами. Старший из братьев, Василий, попал в плен и был увезён в Германию, вернулся на Кубань в 1918 году.

А тут грянула революция с её неразберихой. Вернулись в восемнадцатом с фронта сыновья Иван и Леонтий, из германского плена – старший Василий со своей верной спутницей-гармошкой, благодаря которой, быть может, и выжил, скитаясь по чужбине.

Братьев Ибрагима и Мудуна стала изводить тоска по родному краю. Жизнь в кубанской станице становилась невыносимой – налетали то красные, то белые, то зелёные, то батька Махно, то «Марусин отряд». Недобрые вести доходили из Дагестана. Не советовали земляки Ибрагиму трогаться с места, говоря, что революционным движением и Гражданской войной охвачен Дагестан и весь Кавказ. Убеждали, что ехать опасно – под Грозным налетают и грабят озверевшие банды.

После 1920 года отец с матерью вернулись в родные края

– в Дагестан. Но и тут было неспокойно.

Отец, добряк по натуре, человек щедрый, здоровый и красивый, в тридцать пять лет заболел и умер, оставив маму с тремя детьми.

Окружённая заботами и лаской сельчан, я не чувствовала сиротства.

От тех богобоязненных, веками безропотно покорявшихся превратностям судьбы горцев, ценивших свободу, совесть и честь дороже жизни, я научилась веротерпимости, почти-тельному отношению к седидам, милосердию к немощным, презрению к подлым.

Что удивляло – это не виданная нигде больше всеобщая доброта, готовность в любую минуту прийти на помощь друг другу, отсутствие зависти, злословия, безропотная покор-

ность судьбе, вверение всех бед фатальной неизбежности.

Я оказалась в далёком ауле Хуты. Тяжёлые были те времена в горах. Трудились от зари до зари, довольствуясь тем, что есть. На клочках земли сеяли пшеницу, ячмень. Сажали картофель, морковь, выращивали горох и чечевицу. Печь топили соломой или кизяком раз в сутки, обычно вечером, по возвращении с полевых работ. Один-два раза в неделю пекли тонкие пресные лепёшки. Повседневной пищей было толокно – мука из зёрен овса, её разводили сырой водой, в особых случаях добавляли к толокну масло и брынзу – это уже считалось деликатесом.

Мы, дети, словно грачи, следовали за плугом, выбирая из разрыхлённых комков земли корнеплоды округлой формы, лилово-серые снаружи и белые внутри, сладкие и необыкновенно приятные на вкус. Я могла грызть их целыми днями и ничего подобного в равнинных краях не встречала.

Местные жители называли их «лакской картошкой». Величиной они были от горошины до грецкого ореха, с выпуклостями, уплощёнными у корня.

В восемь лет привезли меня в Темир-Хан-Шуру. Записали в тюркскую школу Читать и писать по-русски научилась самостоятельно, спрашивая у старшего брата названия букв и складывая их в слова. В сентябре я сама пошла, записалась в русскую школу Когда у меня спросили фамилию, я не знала, что ответить.

– Как зовут твоего отца?

– Ибрагим, – ответила я.

Записали: «Ибрагимова Мариам, класс «А».

Любовь к чтению нам прививали с первого класса, учителя давали задания своим ученикам на дом – прочесть книгу и суметь потом рассказать, что и как в ней мы поняли. В школу я не шла, а бежала с удовольствием. Училась хорошо.

Когда в классе попросили назвать ударника, почему-то все назвали моё имя и выбрали членом санитарной комиссии. Наш школьный врач раз в неделю проводил час санитарного просвещения, рассказывая о правилах санитарии, гигиене, микробах, насекомых – переносчиках заразных болезней, и о многом другом. Тогда впервые почувствовала тягу к медицине.

Многие наши учителя и до революции преподавали в гимназии – люди больших знаний, высокой культуры и какой-то необыкновенной притягательной доброты. Я всегда с неизменным чувством искренней любви вспоминаю свою первую учительницу Антонину Антоновну. Настоящая русская интеллигентка, мягкая, тёплая, необыкновенно добрая и в то

же время спокойная, выдержанная женщина с притягательным, пронизательным взглядом. Ко всем детям, особенно бедным, она относилась с исключительным вниманием. Через городской отдел народного образования добивалась талонов на бесплатную одежду и обувь для нуждающихся учеников.

Наш маленький город отличался исключительной чистотой домов и улиц.

Дворников не было, убирали сами жители. В шесть утра по свистку участкового приступали к работе. Эта обязанность лежала на детях-школьниках, в нашем домена мне. Так что мне приходилось заботиться и о хорошей лейке-поли-

валке, метле и совках. Я частенько мобилизовывала для этого дела соседских мальчишек.

У знакомых учителей, медиков, старых учёных я достала много интересных книг, в том числе исторических. Читала и думала, задавая себе вопрос: почему многочисленные этнические группы до сих пор не сложились в нацию? Понимала: ответ на этот вопрос следует искать в прошлом, когда Дагестан представлял собой глубокую провинцию, где господствовали феодальные и полуфеодальные отношения. И я углубилась в историю. Потом, когда стала писать книги, это моё раннее увлечение историей очень мне помогло.

Из шестого класса нескольких успевающих горянок, в том числе и меня, взяли на подкурсы медучилища. Обучались со мной в основном девушки-горянки из всех районов и городов Дагестана. Были среди них и свободно посещающие занятия – жёны членов местного правительства. Учились неважно и выезжали на наших подсказках.

Окончила в 1936 году медицинское училище с отличием, два года отработала фельдшером-акушеркой в горных аулах Лакского и Кулинского районов.

Затем устроилась в городскую поликлинику медицинской сестрой. С врачом Антониной Курняковой быстро нашла общий язык. Видя мою дисциплинированность, исполнительность и добросовестное отношение ко всяким поручениям, она стала мне во всём доверять. Попросила поработать по совместительству медсестрой ещё и в больнице. Я согласилась, тем более что она не ограничивала меня ни в чём.

Махачкала, май 1940 г. Мариам Ибрагимова – среди выпускников медицинского техникума. Всех ждала работа в городах и сёлах республики

Потом была учёба в Махачкале, в Дагестанском медицинском институте. Помню, как обрадовались нашему появлению старики-преподаватели. Ведь в годы войны с первых курсов забирали ребят, а старшекурсников выпускали досрочно. Учи-

лись почти одни девчата да инвалиды, побывавшие на фронте, и просто больные. Но об этом – рассказ в другой главе.

Основой жизни была, есть и будет крепкая семья

Мариам Ибрагимова

Из последней книги-завещания «Грядущему поколению»

На закате дней, когда человек осознаёт, что часовая стрелка жизни завершает свой круг, его начинают одолевать грустные мысли. При этом пройденный путь видится яснее, чем тот, по которому проходят образы людей, навсегда унесённые течением времени.

Жизнь каждого из них – длинная или оборванная история, достойная либо подражания, либо презрения. Но именно они своим скромным примером учили великим житейским мудростям – честности, справедливости, доброте, долготерпению.

В каждой нормальной семье, в дружном роду помимо традиционной сплочённости существует неписанный «закон крови», проявляющийся в пробуждении великого чувства сохранения потомства, преданности и взаимной любви, готовности прийти на помощь, прикрыть собой другого.

Я верю в силу генов. Хорошая семья – самая надёжная опора до конца дней. От того, как мы воспитаем своих детей, зависит их будущее. Разумные родители должны вести себя всюду так, чтобы не уронить свой авторитет, не унижить до-

стоинство. Дорожащие честью, совестью отцы и матери обязаны жить так, чтобы детям и внукам не было стыдно за них.

Если бы зависело от меня, я бы вернула Домострой с его ответственностью и отчётностью родителей в старости перед своими детьми.

Мариам очень ждала рождения внучки, видела в ней своё продолжение.

Вот оно счастье – внучка Диана!

– По восточному преданию, тот, кто первым возьмёт на руки младенца, передаст ему свой характер, свою силу, энергию, мудрость. В родильном доме я была первой из родственников и первой подняла малышку на руки. Слёзы радости катились по моим щекам. Живи, Диана, долго, радуй отца и мать, помни, из какого ты рода-племени. Верю, у тебя будет своя дорога в жизни.

Так и произошло. Диана из Кисловодска уехала в Москву и поступила в мединститут, избрав профессию врача. Шесть лет бабушка передавала ей свой характер, учила её доброте, всему хорошему. Диана оказалась верной заветам бабушки.

Диана – студентка 2-го Московского медицинского института

Семейная ценность

В марте 1993 года Пятигорская студия телевидения сняла фильм о Мариам Ибрагимовой. Съёмочная группа была благодарна судьбе, что жизнь познакомила их с талантливой женщиной, отзывчивым человеком, с которым можно говорить часами. Много в ней мудрости и материнского тепла, а

если с кем случалась беда, Мариам Ибрагимовна всегда была рядом: поможет, подскажет, поймёт, отдаст последнее.

Маргарита Губина, журналист:

– В тот весенний день Мариам Ибрагимовна много рассказывала о своём любимом поэте Лермонтове и внучка Диана внимательно слушала её. А нам Мариам Ибрагимовна была близка как автор многих художественных произведений. Один из её последних романов – книга о Шамиле. Задала вопрос, почему писательница обратилась именно к этому герою, легендарному Шамилю.

Мариам Ибрагимова:

– Долгие годы этот образ был искажён нашей историей, а мне хотелось сказать о Шамиле правду.

Губина: Я знаю, что вы равнодушный человек, что с болью относитесь к тому, что происходит у нас сегодня вокруг.

М.И.: Конечно. Разве всякий нормальный человек не должен относиться с болью? Вот, например, когда показывают по телевидению или читаешь, что где-то происходит насилие, война – в Армении, Азербайджане, в Осетии, Ингушетии...

Губина: В Грузии...

М.И.: В Грузии. Везде! Я знаю среди многих азербайджанцев и армян, грузин и осетин отличнейших людей.

У них есть родство – они испокон веку смешаны. Бра-

ки между собой как и раньше, так и теперь совершают. Вот только своего происхождения, корней своих не знают. Ну и когда это всё происходит, я закрываю глаза или выключаю телевизор – не могу смотреть, мне жалко всех. Не могу видеть убитого человека. Думаю, почему на ребёнка, на женщину поднимают руку? Как можно! Этого я не понимаю...

Вспоминаю, как в детстве я дралась, на всё была способна. Но чтоб поднять руку на ребёнка, потому что он другой национальности, – да я бы себе руку отрубила. Как можно спокойно на это всё смотреть?!

Это братоубийственная война! Дикость, сумасшествие, или люди обалдели от какого-то воздействия? Ничего не могу понять.

Губина: Но вы верите в то, что мир вернётся на нашу землю и на Кавказе всё будет спокойно?

М.И.: Я верю. А почему верю? Люблю религиозных людей. Всё-таки религия – это большое дело.

Настоящие умные религиозные деятели, к какой бы религии они ни относились – мусульмане, иудеи, христиане, другие, – мудрые люди... Миротворцы... Делают много хорошего. Не верить ни во что – это ужасно, потому что не верят ни во что только люди ограниченные, им нужна палка, хлыст, насилие.

А умные должны во что-то верить. Считаю, что все гениальными быть не могут, талантливыми не могут, но верить в лучшее должен каждый.

И это лучшее идёт от Бога. Я так считаю.

Губина: Вот в вашем доме на полке есть Коран. Он лежит такой затёртый, такой старый... Семейная ценность?

М.И.: Да. Я когда-то учила Коран, но алфавит знаю немножко, не весь. Русские книги читают слева направо, а Коран – справа налево.

Вот, Дианочка, смотри, – *обращается к внучке*, – этому старинному Корану много лет. Он перешёл от прадедушек, от прабабушек, от твоего дедушки Ибрагима. Вот видишь, дед твой записал по-арабски: и когда я родилась, и когда Бутта, твой дядя, и когда другой мой брат, Джабраил. Записаны все: кто, когда родился, в каком году.

Это наша семейная реликвия. Её надо хранить.

Некоторые кадии, муллы, люди, которые умеют читать по-арабски, предлагали за этот Коран большие деньги, говорили: «Отдай нам, мы за него тебе современные Кораны дадим». Я сказала: «Нет, не дам». Даже если очень буду нуждаться и буду голодать, если мне дадут за него миллион, я умру от голода, а эту книгу не отдам, потому что это священная реликвия.

Я люблю этот Коран, он наш, семейный, его надо всегда беречь. И он у меня под головой. Видишь, какой он потёртый, очень старый Коран.

• Бутта,
старший брат Мариам

• Джабраил,
младший брат Мариам

• Дибир Абдуллаевич
Дибиров, любимый дядя,
верный друг Мариам

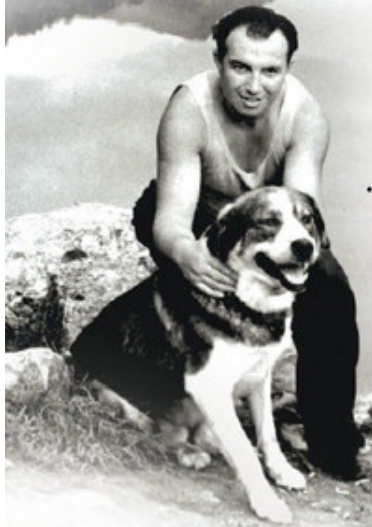
• Дядя Мариам Габ

• Бабушка Патимат
с любимыми внуками

• Внучка Диана с дедушкой

• Спорт, охота —
любимые увлечения Джабраила

• Дед и пра-прадед Дианы

• Мариам с мамой

• Чиста вода из родника!
Остановка в пути из Кумуха в Хуты

Дом её – в самом центре старого Кисловодска, всегда был притягательным местом для многих. Земляки из Дагестана находили под его кровлей приют, становились первыми слушателями её творений. К их мнению она прислушивалась и особо им дорожила.

Здесь, на улице Чкалова, 16, завершился её земной путь. Сердце Мариам Ибрагимовой перестало биться ранним утром 19 августа 1993 года, в час, когда над городом поднималось яркое солнце, призывая всё живое к жизни, к началу трудового дня.

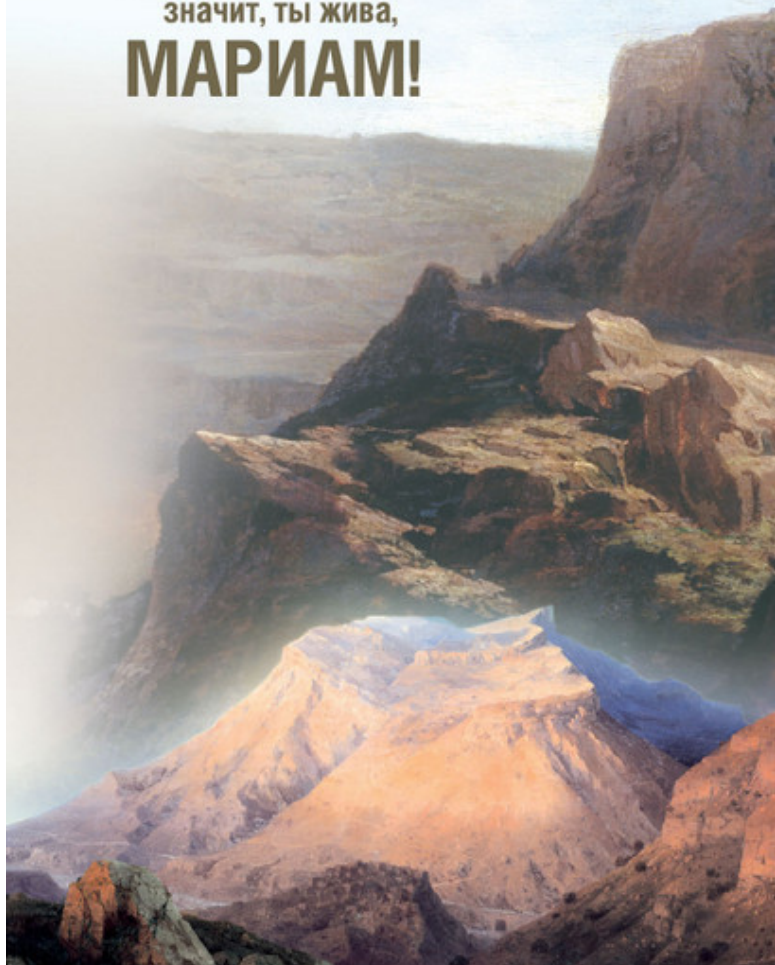
И было Мариам 75 лет...

Невежество и алчность – источник всех земных бед.
*Последняя запись, оставленная на конверте смертельно
больной Мариам*

Если мы помним,
значит, ты жива,
МАРИАМ!

Врач Мариам

Врачи Мариям

Меня часто спрашивали, почему я решила стать медиком.

Отвечала: «Наверное, потому, что врач стоит ближе всех к страданиям людей, соприкасается с чужой болью чаще других...

Человек начинается с доброты, с умения откликаться на чужую боль».

Мариам Ибрагимова

Мариам Ибрагимова была замечательным учёным, историком, к тому же красивой женщиной и прекрасным врачом. Есть нечто родственное, близкое и в образе созданного ею имама Шамиля, и в образе самой Мариам Ибрагимовны Ибрагимовой, а именно – любовь к Дагестану, к Кавказу, к жизни и свободе!

*Гаджи Гамзатов,
председатель Президиума Дагестанского филиала АН СССР,
Действительный член Российской академии наук*

Рассказывает Мариам Ибрагимова

Помню весну 1933-го... Правительство республики направило в города и районы активистов, которые набирали молодёжь в открывающиеся высшие и средние специальные учебные заведения.

Мне было пятнадцать лет, и мать отпустила меня на учёбу в Махачкалу. Я была круглой отличницей и в том же году осенью стала студенткой медицинского техникума. Со мной на курсе учились в основном девушки-горянки из всех районов и городов Дагестана.

Жизнь в городе и учёба не изменили моего беспокойного характера, я была зачинщицей всех крупных дел.

Ко времени окончания техникума нас стали распределять по городам и районам. Меня как фельдшера и акушерку направляли в отдалённый Кулинский район, я подняла такой

шум, что сбежались все преподаватели и студенты.

– Нечестно! Двоечников, которым натянули тройки, в городе оставляете, а меня – отличницу – к чёрту на кулички!

В кругу студентов

Когда я немного успокоилась, меня стали убеждать, что комиссия решила правильно. Нельзя, мол, посылать плохих студентов на самостоятельную работу – они по своему невежеству могут нанести больным больше вреда, нежели пользы. Поэтому должны работать под надзором опытных врачей. А на ответственные участки нужно ставить способных,

мыслящих, смелых людей. «Так что, сударыня, вам оказано доверие, честь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.